

Русская актриса из страны Гамлета

ТАТЬЯНА ДЕРБЕНЕВА ПРИВЕЗЛА В МОСКВУ СПЕКТАКЛЬ ПРО ДАТСКУЮ ПРИНЦЕССУ, СТАВШУЮ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРАТРИЦЕЙ

■ Сергей МИНАЕВ

Отъезд

— Москвичи помнят вас по вашим ролям в театре Марка Захарова. Далеко не все знают, почему ваше имя однажды исчезло из его афиш.

— Ко мне неплохо относились в театре, и я очень благодарна моим коллегам за то, что даже после моего отъезда в Данию в 1992 году еще три года мое место сохраняли за мной. Так что окончательно я уволилась только в 1995, а до этого времени иногда приезжала и даже как-то играла «Юнону».

— Почему же вы уехали?
— По семейным обстоятельствам. У меня муж — датчанин. Он переводчик и много лет работал в СССР, в скандинавской редакции издательства «Прогресс». Оно было закрыто, и когда после полутора лет поисков работы муж так ее и не нашел, он вынужден был уехать в Данию. Я отправилась за ним. Я уже больше одиннадцати лет живу в Копенгагене, но все эти годы я все равно работала как актриса — и на русском, и на датском языке.

— Насколько я знаю, это очень сложный язык...

— Да, было непросто. Когда я делала свою первую программу на датском (которая называется по-русски чуть претенциозно — «Россия в моем сердце», но на датском это звучит нормально), муж сперва перевел мой текст, и затем я его выучила. Я показываю ее датчанам уже четыре года — рассказываю им о нашей стране, о том, что мы чувствуем, пою наши романсы, песни...

— Одних эмиграция «консервирует», другие меняются до неузнаваемости. Как она повлияла на вас?

— Конечно, не влиять совсем она не может. Но я по природе очень консервативный человек, так что там мне, как ни странно, стали еще дороже те привычки, которые были у меня до того, как я уехала. Я также там праздную Пасху, как здесь — что бы ни случилось, хожу в церковь, делаю куличи, крашу яйца.

Создание театра

— В России очень хорошо знают датских персонажей — к примеру, Гамлета — но нельзя сказать того же самого о драматургах, режиссерах и актерах. Как вы их нашли?

— Походив по датским театрам, я поняла, что у России и Дании нет практически никаких культурных контактов. У нас почти не бывает гастролей датских актеров, туда почти не ездят русские театры. За одиннадцать лет я видела лишь однажды спектакль русского театра, который туда привозил Додин. И поэтому мне очень захотелось построить творческий мост между датской и российской театральными культурами. Говоря по-датски, понимаю речь на сцене, я увидела, что у датчан есть свои театральные традиции, глубокие и интересные — и они другие, нежели у нашего театра, которого они совершенно не знают. А мы, в свою очередь, не знаем их. Вот и придумала я театр «Диалог».

— Такие идеи приходят многим — немногие их воплощают...

— Мне повезло. Благодаря одному спонсору мы официально зарегистрированы в системе датских театров с декабря 2000 года. Первый спектакль — «Сорри» по пьесе Галина — мы сыграли на сцене Российского центра науки и культуры в Копенгагене. Его темы были очень близки зрителям и самим актерам — тема эмиграции, тема потери контакта с родиной. На роль Звонарева я пригласила народного артиста России Але-

ксандра Михайлова. Мы с ним играли этот спектакль не так долго, потому что он очень востребованный и много работающий актер, но каждое выступление было праздником для русскоговорящей публики Копенгагена. И тогда же нашим театром заинтересовалось российское посольство в Дании, которое стало оказывать нам поддержку.

— Но сейчас вы привезли в Москву другой спектакль?

— Да. Два года я болею одной темой: историей последних Романовых на российском престоле, в частности, взаимоотношениями Николая II и его матери Марии Федоровны, которая была урожденной датской принцессой. Это общая страница истории Дании и России. Мне была очень интересна эта мужественная, талантливая, удивительно умная женщина, которая очень много сделала и для своего сына Николая. И все два года я искала деньги для реализации этого проекта...

— Это непросто и в Москве.

— Тем не менее как раз в Москве мне и помогли. В силу активности своего характера я являюсь еще и одним из учредителей международного совета российских соотечественников. Там, на одном из «круглых столов», я рассказала о своем замысле и попросила помощи. И помощь пришла — в правительстве Москвы нашлись люди, которые действительно помогли нам реализовать этот проект. Я им бесконечно благодарна за это. Я понимаю, в этом мире никто никому ничего не должен, и тем более ценно, что все-таки есть такие люди, которые находят возможность помогать театру. Ведь театр, как и культура в целом, не может существовать сам по себе — потому что не окупается.

Николай II с матерью. Слева сцена, справа жизнь

Принцесса Дагмар

— Итак, вернемся к спектаклю...

— Спектакль называется «Суд человеческий» — так назвал свою пьесу драматург Владимир Маягин, которую он написал по заказу нашего театра. Я благодарна судьбе, что встретила его — он удивительно деликатный, тонкий человек, и в его пьесе нет ни единого случайного слова. Режиссером спектакля стал литовец Гитис Германас Падегинис. А актрису на роль принцессы Дагмар нам очень долго не удавалось найти — все-таки это историческая личность, и хоть какие-то внешние черты актрисы должны были соответствовать оригиналу. Многие прекрасные актрисы давали согласие, и мне тяжело было им отказывать, потому что режиссер раз за разом отворачивал их. Так было, пока не появилась Нина Дробышева — маленькая, субтильная женщина с сильными, волевым ядром. Все совпало. На роль Николая II я пригласила артиста, с которым я работала в Ленком, и который недавно получил здесь звание народного артиста — Виктора Ракова. И так уж получилось, что премьеру мы сыграли в Ко-

пенгагене 7,8 и 9 ноября... Вы не поверите, но мы совершенно не думали об этих числах — просто выбирали время, которое для всех удобно — и потом сами ужаснулись совпадению.

— Оно вас не деморализовало?

— Нет, наоборот, все прошло замечательно. На первом спектакле присутствовали шестнадцать послов разных стран в Дании, которые понимают по-русски, — я удивилась, что их так много. Конечно, не обошлось без проблем... Человек, который у нас занимался и светом, и звуком, в последний момент испугался датских профсоюзов, проводивших какую-то там акцию, и заменить его было нечем. Но случилось чудо: нас спас балетмейстер королевского театра, который сам предложил бескорыстную помощь (для Дании, где за все приходится платить, это совершенно нехарактерно) — и все сделал великолепно.

— Насколько велика русскоязычная аудитория в Дании?

— Скажу так: с каждым годом она становится все больше и больше. К разным волнам эмиграции сейчас добавилось много русских жен... Но, конечно, ее очень и очень мало для существования профессионального театра. В Российском центре науки и культуры в Копенгагене в зале всего 104 места — мы играем спектакль три раза, и практически вся русская диаспора его посмотрела.

Датчане и их язык

— Я встречал наших артистов, которые работают за рубежом, но это, как правило, артисты балета или музыканты — тех жанров, где язык не важен. Когда вы, артист драматического театра, оказа-

лись в Дании, что вы ощутили?

— Сначала для меня это была трагедия. Я чувствовала, что не выживу, и очень благодарна Марку Анатольевичу Захарову, который сохранял для меня место в театре. Но мне все-таки удалось адаптироваться, за что я очень признательна мужу — он понимал меня, и до сих пор помогает мне в театре. Когда я делала свою датскую программу, мне пришлось несколько месяцев репетировать с текстом и с диктофоном, куда муж мне грамотно наговорил датский текст. Мой сын тогда спросил меня, почему, когда я говорю по-датски, я говорю не своим голосом — а оказывается, у нас в языке даже звуков таких нет. Потом сдавала мужу что-то вроде экзамена, и он сказал мне: «Конечно же, ты говоришь с акцентом — иностранец не может говорить по-датски без акцента. Но все, что ты говоришь, ясно, и кроме этого ясно, что ты русская, а это совсем не плохо».

— А кто из датчан ходил на ваши программы?

— В основном старшее поколение. Оно больше интересуется другой культурой, у них есть время. Молодежи там, мне кажется, вообще ничего не нужно

Татьяна Дербенева — один из учредителей Международного совета российских соотечественников. Профессия: актриса. С 1972 года работала в Театре имени Ленинского комсомола (позже — «Ленком»). С 1992 года живет в Дании, является художественным руководителем российско-датского театра «Диалог»

— кроме пива. На самом деле страна кажется довольно бытовой и малодуховной... Но когда я узнала своих датских коллег и увидела, что они так же мучаются, как и я, мое мнение изменилось.

— Если бы вы не смогли продолжить свою артистическую карьеру, чем бы вы занялись?

— У меня в Дании было много разных занятий, да и работу сперва пришлось поискать. К примеру, я работала в детском саду — у меня есть ведь и педагогическое образование. Было непросто, но теперь я благодарна этой практике — мой датский язык окреп именно там, когда я работала с детьми. Я часто путала слова, и они надо мной смеялись. Тогда я попросила одну девочку быть моей учительницей и обязательно поправлять меня, если я ошибаюсь. Она с радостью этим занялась, и насмешки скоро исчезли.

Предательство

— Когда я готовился к интервью с вами, я залез в Интернет и узнал, что совсем недавно у вашего мужа были большие неприятности в профессии — причем из-за вас. Не могли бы вы рассказать, как все было на самом деле?

— Это странная и немножко страшная история, из-за которой мы получили очень большой стресс. Мой муж — авторизованный и к тому же очень опытный переводчик, наверное, он лучший переводчик с датского на русский и обратно в Дании. Поэтому, когда что-то серьезное происходит в российско-датских отношениях, обязательно зовут его. Это же случилось

и во время памятного процесса Закаева — его туда вызвали, и он там переводил. Но один человек — я его знаю, но не хочу называть — пошел и донес на моего мужа властям, что у переводчика на процессе русская жена, поэтому он якобы может неправильно переводить. И мужа тут же отстранили от работы. Мало того: инцидент грозил тем, что его вообще могли лишиться права работать переводчиком — оказывается, он обязан был сказать, что я работаю в Российском центре науки и культуры.

— Как говорили у нас при Сталине, он «член семьи...»

— Да. Мы не могли поверить в абсурдность этой ситуации. Ведь никто ничего не скрывал и не собирался скрывать. Да, когда в Дании проходил чеченский конгресс, многие русские подписались под письмом к премьер-министру Дании, в котором мы выражали беспокойство, что проведение этого конгресса может осложнить дипломатические отношения между Данией и Россией. Я была среди подписавших — более того, это письмо было направлено в газеты с моего факса. Что вы думаете? Это тут же раздули и сделали из нас чуть ли не главную угрозу политической жизни Дании. Даже наш посол над нами смеялся «Тоже мне, шпионы...»

— Чем же все это закончилось?

— Ничем. Мужа, естественно, через пару дней вернули на процесс, потому что кроме него никто не мог справиться ни с чеченскими именами, ни с чеченскими фамилиями. Единственное, чем это для нас кончилось — наверное, из-за всех пе-

реживаний мы потеряли по несколько лет жизни... И, конечно, я больше никогда не подам руки тому человеку, который на нас донес, хотя он ходит в наш зал и даже бывал у нас в доме. Вы знаете, это так страшно, когда на тебя доносят.

Россия и Москва

— Однажды я проходил в Брюсселе мимо маленького местного театра и в его афише из восьми пьес обнаружил пять русских — Чехова, Достоевского, Булгакова. Но я не был в зале и самих пьес не видел. Вы, наверное, видели. Скажите — как они нас ставят?

— Однажды в Дании я видела спектакль по пьесе Арбузова «Старомодная комедия», хотя сам спектакль назывался как-то совершенно по-другому — что-то вроде «Это случилось в Риге». Это был прелестный спектакль, тонко сделанный — я испытала ни с чем не сравнимую ностальгию. Но, к сожалению, так поступают не все европейские театры. Иногда я смотрю спектакль и вижу — они не поняли и даже не пытались понять нас.

— Что здесь исключение и что правило?

— Не могу точно сказать. Но у меня такое предчувствие, что о России будут говорить чем дальше, тем более уважительно. Пена исчезает. К примеру, русские за рубежом уже меньше воруют, и это хороший признак. Люди уже приезжают такие, для которых спереть что-нибудь в магазине — это унизи-тельно. Я об этом знаю не понаслышке — мужа раньше часто приглашали в полицию переводить в таких случаях, а мне было больно и стыдно за соотечественников. Сейчас это происходит все реже, и это радует. А значит, нас будут больше уважать, в том числе благодаря нашему искусству, которое — наконец-то открыто миру.

— Какие изменения вы заметили в Москве?

— Огромные изменения, и в первую очередь меняются люди. Произошло очень большое расслоение общества: кто-то научился зарабатывать деньги, а кто-то не смог. У меня есть и те, и другие друзья, я и тех, и других люблю. Я понимаю, что деньги — очень важная вещь, на них все время натыкаешься, но ведь человек рождается не только для того, чтобы есть, пить и покупать одежду...

ДОСЬЕ «ВМ»

Императрица Мария Федоровна родилась 26.11.1847 г. в Копенгагене, умерла 19.10.1928 г. также в Копенгагене. Урожденная принцесса датская Дагмар (до принятия православия — Мария-София-Фредерика-Дагмара), дочь датского короля Кристиана IX (1818–1906) и королевы Луизы. Жена императора Александра III, мать Николая II.

Она прожила на свете 81 год, из них 52 года в России, 11 лет была императрицей, вдовствовала 34 года. Предпоследняя русская императрица. Первоначально принцесса Дагмар была помолвлена с наследником русского престола, великим князем Николаем Александровичем (1864 г.), но вскоре потеряла своего жениха, скончавшегося от туберкулеза (22.04.1865 г.). Выполняя последнюю волю умершего Николая Александровича, второй сын Александра II, великий князь Александр Александрович, обручился в 1866 году с молодой датской принцессой. 1 сентября 1866 года принцесса Дагмар на датском судне «Шлезвиг», в сопровождении царской яхты «Штандарт» покинула Данию и отправилась в Россию, 10 октября состоялась свадьба. Императрица вернулась в Данию уже после революции в России.